

то подлинная сила, вещи его больше задевали, чем более гладкие, более вытощенные романы Газданова. За зловонным миром Яновского чувствовалось порывание — и временами даже порыв — в мир светлый и чистый» (С. 199). И далее — о наиболее ценном самим прозаиком романе той поры, изданном уже после войны в США, **«Портативном бессмертии»** — критик продолжает: «В „Портативном бессмертии“ — лучшей, хотя и неровной, вещи Яновского, в которой хорошо передана трагическая атмосфера предвоенных лет и прекрасно описано парижское „дно“ — тема преобразования, просветления жизни проходит через весь роман» (Там же). Некая неслиянность «духовного» и «плотского» мира в прозе Я., несомненно, присутствует. Хотя именно тема «нераздельности» всего сущего, тема связи и памяти — это как раз его тема. Характерно в этом отношении и его активное участие в экуменическом ж. «Третий час» по переезде в США, и его постоянное увлечение Марселем Прустом, и недоверие к замкнутым эстетическим системам, наподобие نابоквской. Образцовыми для Я. всегда были писатели открыто противоречивые, писатели, жертвовавшие «стилистикой» ради раскрепощения сознания, такие как Лев Толстой или Александр Герцен, а среди его современников лично ему близкие, несмотря на все их отчетливо осознаваемые писателем «грехи», Георгий Адамович и англоамериканский поэт Уистен Оден. Сам Я., практикующий врач-анестезиолог, так написал об экзистенциальной проблеме своей жизни и творчества: «Я знаю почти все о жизни, но пока я чего-то не усвою о смерти, я ничего не пойму в жизни» (**Из дневника 1955–1959 гг.** С. 166).

Проза Я. «законам» эстетики предпочитает «беззаконие» дерзкой эпатажной правды, но в результате оказывается излишне рационалистической, «придуманной». При всей брутальной заземленности она как раз слабо приспособлена для изображения органики человеческой жизни, ее тепла. Прямое следование философским замыслам и сюжетам часто огрубляет саму по себе словесную ткань этой прозы, не всегда спасаемой даже запоминающейся резкостью оценок и безусловным стремлением к истине. Поэтому вынужденно приближенная к быту, к реальности его «книга памяти» — мемуары **«Поля Елисейские»** (1982) — оказалась наиболее сильной его вещью как раз с беллетристической точки зрения. Жизнь русской эмиграции, ее худож. и интеллектуальной про-

слойки в Париже 1930-х рассмотрена автором не только «вертикальным», как любил выражаться сам Я., способом, но и «горизонтальным», принимающим во внимание саму по себе жизнь — вне зависимости от нашего умозрения.

«Поля Елисейские» изданы на русском и на английском яз., и это единственная пока книга писателя, изданная на родине. Некоторые его русские вещи до сих пор не увидели свет, в т. ч. романы **«Заложник»**, **«Кимвал бряцающий»**. Они находятся в Бахметевском фонде Колумбийского ун-та (США). В США Я. в 1950-е вообще отошел от русской прозы и начал писать и печатать романы на английском яз. Высоко оценивавшийся самим автором роман **«По ту сторону времени»** издан по-английски (**«No Man's Time»**. New York, 1967) с предисловием У. Одена. По-русски напечатан лишь в 1987–88 в нью-йоркском «Новом ж.» (Кн. 166–170). Кроме того, Я. — автор книги **«Медицина, наука и жизнь»** (**«Medicine, Science and Life»**. New York, 1978).

Соч.: Портативное бессмертие. Нью-Йорк, 1953; Челюсть эмигранта. Нью-Йорк, 1957; Пути искусства // Опыт: альм. Мюнхен. 1960. № 4; Американский опыт. Нью-Йорк, 1982; Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983; 2-е изд. СПб., 1993; Ересь нашего времени // Новый ж. Нью-Йорк. 1996. Кн. 198–202; Из дневника 1955–1959 гг. // Новый ж. Нью-Йорк. 1997. Кн. 209; Из дневника 1960–1964 // Новый ж. Нью-Йорк. 1999. Кн. 214.

Лит.: Довлатов С. Против течения Леты // Звезда. 1991. № 9; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996; Кондаков И. Яновский В. С. // Русские писатели 20 века: биографический словарь. М., 2000.

А. Ю. Арьев

ЯСЕНСКИЙ Бруно (русское имя Виктор Яковлевич Ясенский) [17.7.1901, местечко Климонтов Радомской губ., Польша — расстр. 17.9.1938] - прозаик, поэт.

Русское имя возникло после переезда в СССР в 1929. Родился в семье врача, отец лечил крестьян преимущественно без оплаты и в округе прослыл чудачком. Я. печатался с 1918. Окончил Краковский ун-т. Первый сб. стихов на польском яз. — **«Сапог в петлице»**. В 1922 начинает переводить стихи В. Маяковского и С. Есенина. В поэме **«Песня о голоде»** (1922) призывает к социальной революции. В 1924 издает сб. стихов **«Земля влево»**, становится лит. редактором львовской коммунистической газ. «На-

родная трибуна», переводит на польский яз. В. И. Ленина, произведения В. Маяковского, И. Эренбурга, Б. Пильняка, А. Мариенгофа, печатает их в «Рабочей трибуне». Публикует во Львове свою первую повесть **«Ночи Изольды Морган»**.

Был связан с польским авангардизмом и футуризмом, от футуристических стихов эволюционировал к «скупой простоте» народной эпопеи **«Слово о Якубе Шеле»**. Эта поэма посвящена крестьянскому восстанию в Галиции в 1846, но она перекликалась с совр. польской действительностью. Героика крестьянского восстания передана в стихах ритмически разнообразных и богато инструментированных, при этом красочность и многозвучность образов обусловлены самой сущностью произведения, драматизмом народного движения. С народной поэзией органично созвучны и оригинальные сравнения автора, например: «И, как черных злой арендатор, / Заграбастает землю закат». По мнению А. Гидаша, «Слово о Якубе Шеле» «смело можно считать вершиной» поэтического творчества Я., «одним из прекраснейших творений польской поэзии» (Слово о Якубе Шеле. М., 1962. С. 9). Поэма в 1926 была завершена и затем издана во Франции.

После прихода к власти в Польше Пилсудского и разгрома «Рабочей трибуны» Я. в 1925 был вынужден эмигрировать во Фран-

Б. Ясенский

цию. В Париже, будучи рабочим автозавода, вступает во Французскую коммунистическую партию, организует рабочий театр, собирает материал для романа о жизни польских горняков во Франции. На подмостках французских рабочих театров десятки раз ставится и пользуется большим успехом пьеса Я. **«Галицийская жакерия»**. Я. пишет стихи: **«Город»** (1921), **«Марш краковских повстанцев»** (1923), **«Марсельеза»** (1924), **«Заложники»**, **«Французским пролетариям»** (1927) и др. В ответ на антисоветский памфлет П. Морана «Я жгу Москву» Я. за 3 месяца создает свой первый «международный» роман **«Я жгу Париж»**. Его публикация в газ. «Юманите» явилась поводом для высылки автора из Франции, он был арестован и в наручниках доставлен на границу. Вернулся во Францию нелегально и был арестован снова. 22 мая 1929 по приглашению советского правительства приехал в СССР, который стал его второй родиной, где роман «Я жгу Париж» уже был издан необычайно большим по тому времени тиражом в 140 000 экземпляров.

Уже в начале пути Я. тяготел к международной, глобальной тематике, он обладал удивительной способностью усваивать языки, осваивать национальные культуры различных народов, писал по-польски, по-французски и по-русски, переводил с немецкого, протестовал против разгрома украинских школ и культурных организаций в Польше, имел отношение к процессам развития белорусской лит-ры, пропагандировал культуру Таджикистана. В Москве Я. редактирует польский ж. «Культура масс», в 1930 на Всемирном конгрессе революционных писателей в Харькове избран редактором ж. «Интернациональная лит-ра». С 1930 пишет на русском яз., печатает статьи в «Правде», «Известиях», «Лит. газ.», ж. «Новый мир», «Октябрь» и др. На русском яз. пишет стихи **«Пролог к поэме»**, **«Песня рабочих заводов Шнейдер-Крезю»**, **«Железные крыши и окна квартир...»**, **«Тост»**. В этих стихах «поют голубые арыки Ташкента», «плещется ночью беспечный Тифлис», автор вспоминает «отчаянный город — Владивосток», «город лихой и чубатый наш Киев», «любимый журчащий мой Сталинабад», он свидетельствует: «В Советской стране каждый камень мне дорог. / По ней исходил я немало дорог...»

В 1931 Я. написал пьесу-гротеск на совр. западную социал-демократию **«Бал манекенов»**. В 1932 выпустил в Москве драматическую поэму «Галицийская жакерия», кото-

рая ставилась во Франции. В Москве был инсценирован роман «Я жгу Париж». Я. работал в Оргкомитете по подготовке I съезда советских писателей, был его делегатом, затем стал членом правления СП СССР. Принимая участие в поездках по стране, в 1930 в первый раз прилетел в Среднюю Азию как член правительственной комиссии по размежеванию Таджикистана и Узбекистана.

В составе делегации Таджикистана участвовал в работе VIII Чрезвычайного съезда Советов.

Таджикистан вдохновил Я. на создание его наиболее значительного произведения — романа **«Человек меняет кожу»** (1932–33). Автор увлечен своеобразием жизни восточной республики, по его словам, «советское среднеазиатское солнце имеет весьма целебные свойства». В событиях этого романа находит воплощение страстное желание его автора «сегодня, а не завтра изменять мир». Автор захвачен пафосом строительства в пустыне, он проследивает эволюцию первого таджикского инженера Уртабаева, рост Керима, который становится вожаком комсомольцев и героем стройки. Важным идейно-психологическим открытием Я. явились и образы зарубежных инженеров (американец Кларк и др.), которые, приехав учить, учатся сами — ударным темпам стройки у новатора Уртабаева.

Роман сложен по композиции. Это роман-диспут, он обильно насыщен идеологической полемикой, в повествование включены документы, присутствуют элементы детективного жанра. Роман написан с глубоким проникновением в особенности жизни Таджикистана, восточный колорит точно и органично передан в национальных чертах героев. Немаловажную роль в архитектонике романа играет и насыщение текста восточными афоризмами, поговорками, преданиями. Образный строй метафоричен, насыщен впечатляющими сравнениями, например, поезд ползет, «будто изрезанный на куски дождевой червь», экскаваторы на краю котлована, «вытянув шею, удивленно заглядывали вниз». В прозаический текст своеобразно и ненавязчиво входят стихи, структурно в тексте не выделяемые, например: «Поезда идут на север среди седых слегка лесов. Поезда идут на запад. Поезда идут на юг. Поезда вращают землю, точно белка колесо. Танец начат. Соны скачут. Люди плачут и поют».

В 1934 Я. издал книгу **«Кишлак в ущелье»**, в 1936 — повесть **«Нос»**, высмеивающую расистские теории, написал также новеллы **«Мужество»**, **«Главный**

виновник», публицистические произведения. С 1936 работал над остроконфликтным антифашистским романом **«Заговор равнодушных»**. Фашистский агент организует кампанию интриг и клеветы против молодого журналиста Гаранина. Автор показывает, как уступничество перерастает в поведении окружающих в отступничество. В условиях нарушений законности в 1930-е Я. осмелился в романах «Человек меняет кожу» и «Заговор равнодушных» выступить против необоснованных репрессий. Более того, он открыто выступил в защиту деятелей культуры, подвергавшихся критике и гонениям. В 1937 Я. обвинили в антипартийной деятельности, пособничестве врагам, он был незаконно арестован. Посмертно реабилитирован.

Во время оккупации Польши там была подпольно издана книжечка стихов Я. Переиздавались его произведения, в 1959 в СССР был снят кинофильм «Человек меняет кожу», в 1962 Варшавский театр поставил поэму «Слово о Якубе Шеле». Часть 1-я оставшегося незаконченным романа «Заговор равнодушных» была опубликована в 1956. Эпиграф к роману стал знаменитым: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство».

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1957; Избранное. М., 1988; Я жгу Париж: роман. М.; Л., 1930; Стихи. М., 1931; Сын рикши. М.; Л., 1931; Слово о Якубе Шеле: поэмы и стихотворения. М., 1962; Я жгу Париж. Главный виновник. Заговор равнодушных. М., 1986; Человек меняет кожу: роман. Пермь, 1990, и др. изд.

Лит.: Озеров В. Живые нити времени // Знания. 1956. № 10; Кардин В. Верность времени. М., 1962. С. 255–261; Гидаш А. Бруно Ясенский // Ясенский Б. Слово о Якубе Шеле. М., 1962. С. 3–20; Давшан А. Интернациональная тема и приемы ее воплощения в творчестве Бруно Ясенского. Ташкент, 1974; Мельгунов Б. «Герольд коммунизма бессмертных идей» // Ясенский Б. Человек меняет кожу. Л., 1980. С. 517–527; Гордон Я. Свеча и кувшин // Памир. 1981. № 2; Берзинь А. Бруно Ясенский // Ясенский Б. Человек меняет кожу: роман. М., 1988. С. 563–573; Лукьяненко Е. Бруно Ясенский: уроки интернационализма // Радуга. Киев. 1988. № 2; Оскоцкий В. Бруно Ясенский — поэт, драматург, прозаик // Ясенский Б. Избранное. М., 1988. С. 3–24; Афанасьев В. События и судьбы. Самара, 1992. С. 66–69; Дымерская Л. Демарш против Сталина?: О повести Б. Ясенского «Нос» // Новое лит. обозрение. М., 1998. № 31; Кис-

лова Л. С. Оппозиция «Восток–Запад» в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра: сб. науч. трудов. Саратов, 2001. С. 197–204.

В. А. Шошин

ЯСИНСКИЙ Иероним (Жером) Иеронимович [18(30).4.1850, Харьков — 31.12.1930, Ленинград] — прозаик, поэт, публицист.

В числе польских предков Я. по отцу, который был адвокатом, — киевский митрополит и духовный писатель Варлаам Ясинский. Племянником отца был Якуб Ясинский — польский сатирик и сподвижник генерала Костюшко. Мать — дочь полковника М. С. Белинского, героя Бородинской битвы. С 11 лет Я. начинает писать стихи. Его гимназические годы проходят в Киеве, Нежине и Чернигове (1863–68). Параллельно с лит-рой Я. интересуется естественными науками, увлекается химией и рисованием. В 1868–71 Я. учится на естественном ф-те Киевского ун-та. «Лит. колыбелью» Я. стала газ. «Киевский вестник» (статья «**Разрушение сословных перегородок**», сент. 1870), а также газ. «Киевский телеграф», где были опубликованы его ранние очерки, стихи, заметки науч. содержания.

В 1871 в связи с женитьбой на учительнице музыки В. П. Ивановой Я. оставляет Киевский ун-т и впервые приезжает в Петербург. Здесь он знакомится с братьями Курочкиными, Минаевым, Некрасовым, позднее — с Ап. Майковым, Достоевским, Тургеневым, Плещеевым, Минским, Салтыковым-Щедриным, Гончаровым, Гаршиным, Надсоном; с художниками Репиным, Шишкиным, Крамским, Мясоедовым и др. Работает секретарем «Азиатского вестника», но, не найдя постоянной работы, осенью 1872 уезжает в Чернигов, где поступает на службу в акцизное управление и приступает к редактированию «Губернского земского сборника». В «Петербургском листке» под различными псевдонимами (все-го их было у Я. более 30: Максим Белинский, М. Чуносков, И. К. Гордик, Кифа, Орест Ядовиткин, Старый беллетрист и др.) он публикует ряд своих ранних рассказов.

В 1877 брак с В. П. Ивановой распался, и Я. вместе со своей гражданской женой переводчицей М. Н. Астрономовой-Дубровиной ненадолго уезжает в Москву, где работает в ж. «Будильник», в еженедельной «Газете» Гатцука. Переехав в дек. 1877 в Петербург, Я. включается в работу ж. «Природа и охота» и «Слово». В первом из них в качестве автора и редактора Я. публикует свои

рассказы, рефераты, переводы и науч. обозрения. В ж. «Слово» пишет статьи о химии, физике, этнографии, астрономии. Если в первое десятилетие своего творчества Я. проявил себя прежде всего как талантливый популяризатор науки, то к концу 1870-х о нем заговорили как о способном писателе. Я. начинает активно публиковаться в «Новом обозрении», «Вестнике Европы», «Отечественных записках». В рассказе «**Начистоту**» (1880) в образе нигилиста Сергеева Я. воссоздал черты казенного в Одессе Д. Лизогуба, которого он знал лично. Новелла «**Ночь**» (1880) и рассказ «**Наташка**» (1881), рисующий тяжелую судьбу нищей девушки, вынужденной идти на панель, закрепляют за Я. репутацию писателя демократической ориентации. С первых сб. Я. «**Шесть рассказов**» (1881), «**Повести и рассказы**» (1882), а также повестей «**Всходы**» (1882), «**Болотный цветок**» (1883) проявилась склонность писателя к психологизму и бытописательству, к изображению коллизий страсти и долга, личности и судьбы в босяцкой («**Киевские рассказы**», 1885), крестьянской (роман «**Искра Божия**», 1882) или же провинциальной и городской разночинной интеллигентской среде (повесть «**Бунт Ивана Ивановича**», 1882, рассказ «**Исповедь**» и др.).

Близкое знакомство с организатором убийства Александра II Самойловым (Н. Кибальчицем) заставило Я. пересмотреть свои либеральные взгляды. Если до 1 марта 1881 революция ему казалась «во всех нарядах привлекательна», то после 1 марта, когда ожидаемого всеобщего подъема масс не получилось, он приходит к выводу, что политико-экономические идеи народников мало чего стоят перед силой подлинного, «чистого искусства». В киевской газ. «Заря» (1884. № 179. 11 авг.), излагая свою новую эстетическую программу, он призывает очистить искусство от политических, общественных и позитивистских тенденций. Платформа Я., открыто поддержанная Н. Минским, становится первым публичным манифестом раннего русского символизма (модернизма).

Со второй половины 1880-х творчество Я. приобретает все более антидемократическую направленность. Под влиянием анархических взглядов П. А. Кропоткина Я. все дальше отходит от народовольческих симпатий юности и идей социал-демократии, склоняясь к той форме социальности, которая призывала к преобразению общества бескровными средствами. Рассказы и романы Я. «**Иринарх Плутархов**» (1886), «**Старый**